

ТРАДИЦИОННАЯ КУЛЬТУРА ПУТЕШЕСТВИЯ ТУНДРОВЫХ НЕНЦЕВ

В.Н. Адаев, Р.Х. Рахимов

Рассмотрены основные характеристики традиционной культуры путешествия тундровых ненцев как сферы, в которой тесно переплетены мифологические представления с рациональными знаниями и практическим опытом. Представлены такие составляющие данной сферы культуры, как коммуникативная мотивация, выбор времени отправления в путь, подготовка к путешествию и собственно путешествие. На основании исследования выдвинута версия об отсутствии в традиции ненцев явного противопоставления человека путешествующего человеку, находящемуся дома.

Этнография народов Севера, традиционные верования, приметы, обычаи гостеприимства, социальные связи.

В последние десятилетия в отечественной науке появился ряд целенаправленных этнографических исследований, которые посвящены народным традициям, связанным с путешествием. Автор одного из них, Т.Б. Щепанская, на материалах этнографии русского населения попыталась отобразить общие принципы организации дорожных взаимодействий, форм жизнеобеспечения и структуру дорожных сообществ, уделяя значительное внимание ритуально-мифологическому подтексту этих аспектов [2003]. Омский этнограф А.В. Матвеев сопоставил ряд ключевых составляющих народной культуры путешествия (коммуникативная мотивация, выбор времени отправления, подготовка выезда, собственно путешествие) на примере традиций русских, сибирских татар и казахов, проживающих в Среднем Прииртышье. Этот же исследователь предложил удачный, на наш взгляд, термин для определения рассматриваемой сферы традиционной культуры — культура путешествия¹. Под ним понимается «комплекс народных знаний и представлений, вещественных атрибутов, направленных на обеспечение достижения цели путешествия человека в конкретных природно-географических условиях, в рамках сложившейся системы восприятия мифологического пространства» [Матвеев, 2012, с. 7]. Вполне логичной выглядит и предложенная автором структура описания культуры путешествия, ключевые пункты которой мы используем в нашем исследовании.

Данная статья является попыткой представить основные характеристики традиционной культуры путешествия тундровых ненцев как сферы, в которой тесно переплетены мифологические представления с рациональными знаниями и практическим опытом. В качестве базовой методологической основы исследования использован системный подход. Главным источником информации послужили полевые материалы специального тематического исследования на территории ЯНАО в 2014 г.²

Коммуникативная мотивация

Передвижение ненцев по местности в большой степени обусловлено особенностями их традиционной хозяйственной деятельности. Наиболее масштабные пространственные перемещения совершаются тундровыми оленеводами. Кроме перекочевков вслед за стадами оленей, с привязкой маршрута к определенному сезону и его повторяемостью из года в год, осуществляются и специальные дальние поездки, протяженностью от нескольких сотен до тысячи и более километров. Это может быть визит к родственникам и знакомым, выезд для сватовства невесты, обмена товарами, в магазин, больницу, на охоту и рыбалку, поездка из тундры в лесотундру за древесным материалом, паломничество к святым местам и др. Нередко в одной поездке совмещается сразу несколько целей, в особенности это касается дальних выездов.

¹ В работах других исследователей сходная область исследования именуется также «культурой дороги» [Щепанская, 2003, с. 8–9], «дорожной повседневностью» [Симонова, 2007, с. 105], «культурой пути» [Коршунков, 2013а, с. 80] или «дорожной традицией» [Коршунков, 2013б, с. 270].

² Полевые сборы осуществлялись Е.А. Волжаниной (Ямальский р-н) и авторами настоящей статьи (Надымский и Тазовский р-ны).

Для ненецких тундровых оленеводов в силу их образа жизни дальние поездки хотя и имеют значение серьезного мероприятия, но не являются чем-то экстраординарным, необычным. И конечно же такие выезды нельзя назвать уделом избранных, а потому «странных» людей, как это нередко воспринимается в культуре оседлых народов (см., например, о соотношении понятий «странник» и «странный» в русском языке: [Даль, 2008, с. 335–336]).

В ненецком языке существует специальная терминология, касающаяся путешествий. Два параллельных термина, *ёндорма* и *ядэрма*, хотя и сходны по значению, но имеют свои нюансы. Под первым понимается перекочевывание; переселение (на новое место); путешествие, странствование. Значение второго несколько уже — это хождение; прогулка [Терещенко, 1965, с. 86, 724]. Соответственно различаются и производные от этих слов: *ёндорта* — кочевник, путешественник, странник; *ядэрта* — ходок, странник, путешественник, бродяга [Там же]. Есть также несколько ненецких слов со значением «бродяга», «бродяжничать», которые несут в себе ощутимую отрицательную коннотацию (например, *лахась*, *ляуэсась*), но качественным критерием здесь является именно бесцельность процесса — это поездки без дела. Данная мысль как будто подчеркивается в диаметрально противоположном образе паломника, которого тундровые ненцы называют *сэрмбэртя* 'дело держащий' (см.: [Головнев, 1999, с. 208–209]).

Путешественником практически всегда выступает мужчина, женщина может лишь сопровождать его. Вообще, в ненецкой традиции самостоятельная «пространственная мобильность» женщин в значительной степени ограничена: самые дальние выезды совершаются ими лишь на расстояния в пределах нескольких километров — за дровами или к ближайшей сезонной стоянке нарт. Веками поддерживаемое гендерное распределение трудовых обязанностей привело к выраженной узкой специализации ненецких мужчин и женщин. Потому одинаково обычным явлением считается то, что первые не умеют ставить чум, а вторые не могут хорошо ориентироваться в тундре.

Выбор времени отправления в путь

Ненцы очень внимательно относятся к выбору правильного срока отправления в путь. Назначать заранее конкретный день отъезда не принято. Дата может обсуждаться за день-два до выезда, а решение — приниматься непосредственно в день отправления.

Лучшим временем для дальних поездок считается март — апрель, когда световой день уже длинный (можно проехать засветло до 80 км и больше) и хозяйственный календарь не такой насыщенный. В дорогу стараются выехать как можно раньше, в 4–5 часов утра, чтобы иметь максимальный запас времени светового дня. Желательно выезжать, когда нет осадков, избегая морозных и ветреных дней, для чего тундровики могут терпеливо ожидать благоприятного момента от нескольких дней до недели и более: «*в мороз не рискуем*». В особенности этого правила придерживаются при отправлении из дома, во-первых, потому что, находясь дома, человек может более свободно распоряжаться своим временем, а во-вторых, передовой олень хорошо помогает найти дорогу именно к чуму, при выезде же из чума хозяин должен полагаться только на самого себя.

Крайне внимательное и осторожное отношение к выбору благоприятного дня продиктовано народным опытом: «*Старики еще говорили: "Ты заранее не говори — погода на день три раза может перемениться"*» [ПМ Рахимова, Тазовский р-н]. Большую пользу ненцам в этом отношении оказывает хорошее знание природных примет, по которым можно предсказать погоду на ближайшее время, а также ее возможное изменение. Благоприятной приметой является, например, красный закат. Утреннее ярко-красное зарево, напротив, предвещает плохую погоду. Если собаки валяются в снегу на спине — к пурге; появившаяся «оправа» вокруг солнца (оптический эффект гало) говорит, что через несколько часов начнется пурга; о том же свидетельствует сильная поземка (*танзер*); мерцание звезд — к ветреной погоде. Окончательное решение об отправлении или неотправлении в путь зимой принималось только утром: «*Раньше рано утром выходит самый старший из семьи на улицу и потом говорит, если куда-то собрались: "Сегодня не поедем"*» [ПМ Адаева, Тазовский р-н].

Поездка могла отложиться в последний момент, когда все готово к выезду, казалось бы, по тривиальной причине — фыркнул запряженный передовой олень:

« — Не. Ладно, сынок, не езжай. Все. Распрягай.

— Зачем, почему?

— Что-то случится. Может случиться. Не надо ехать» [ПМ Рахимова, Тазовский р-н].

Традиционная культура путешествия тундровых ненцев

Кстати, сходное поверье распространено и у лесных ненцев, только в этом случае плохим знаком считается, когда передовой олень перед дорогой ложится. Одной из возможных трактовок такого поведения была грядущая непогода: *«Мы сначала запрягали оленей, а уж потом разбирали чум. У дедушки передовой если ложится — всё, мы остаемся. На следующий день будем каслать. Смотришь, если передовой лег, то к вечеру или обеду будет гроза. А олень предупредил — мы остались в чуме»* [ПМ Рахимова, Надымский р-н].

Подготовка к путешествию

Как известно, лучший способ справиться с опасной ситуацией — предупредить ее. Ненцы действуют в абсолютном согласии с этой логикой. Не случайно при отправлении в дальнюю поездку большое внимание уделяется тщательному приготовлению, причем многие исходя из суеверных опасений стараются не афишировать своих намерений при посторонних.

Прежде всего готовится теплая меховая одежда — комплект непосредственно для выезда и дополнительный — на случай ночевки в пути (малица, гусь (совик), суконный гусь, кисы (в том числе спальные — *мякэця*”), чижи, тобары): *«С собой совик надо брать. Сначала-то, если тепло, ты в суконном гусе будешь, а потом, если похолодает, и переночевать, то у тебя тут запас должен быть. И кисы запасные надо иметь, днем-то, в которых ты ходил, ты пропотеешь в них, особенно когда просеку бьешь. И малицу можешь взять, если у тебя запасное есть»* [ПМ Адаева, Тазовский р-н]. Суконный гусь надевается поверх малицы, когда в дороге приходится заниматься какой-то работой. Несмотря на то, что в гостях при остановке на ночлег хозяева предоставляют одежду для сна, считается, что совик и особенно спальные кисы-*мякэця*” лучше иметь свои. Дорожная одежда хранится отдельно от поездки до поездки. Она должна быть новой не только в плане эстетики, но и потому, что ношенные вещи греют хуже.

Важной составляющей багажа является набор необходимых в дороге инструментов: топор, пила, деревянная лопатка. Топор берут с собой на случай, если придется в дороге чинить нарты, рубить дрова или (в лесотундре) прокладывать просеку в зарослях кустарника: *«Потому что кусты-то надо рубить, если ты залез куда-нибудь с оленями в ольховник. Бывает, если дорогу потерял, залезешь, и знаешь, что тут недалеко, если коридорчик один сделать, то можно проскочить, и ты будешь уже на знакомой местности»* [ПМ Адаева, Тазовский р-н]. Для тех же ремонтных целей в нарту укладывают ножовку, кроме того, она может пригодиться в случае, если олени прочно зацепятся рогами: заклинивший рог отпиливают. Кто-то захватывает с собой для ремонта нарт и лучковое сверло. Лопатка в дороге необходима для копания снега — при установке капканов, проверке состояния пастбища, устройстве ночлега под открытым небом. С собой также обязательно берут *тынзян*, весной иногда даже два (второй — из капронового шнура на случай оттепели, когда кожаный аркан размокает), и запас веревки — для ремонта нарт и привязывания оленей.

Тщательность сборов актуализируется ввиду поверья тундровых ненцев о том, что, отправившись в путь, ни в коем случае нельзя возвращаться за оставленной вещью (*«хоть ружье оставь»*). В противном случае потеряешь гораздо больше, чем оставленный предмет, и в дороге тебя будут ждать несчастья.

Среди других примет и поверий, связанных с отправлением в дорогу, можно привести довольно универсальные для многих народов — нельзя подметать в доме и шить перед дорогой. Данные запреты имеют для ненцев совершенно понятные основания ассоциативного ряда: *«Подметать нельзя перед дорогой — дорогу заметет, обратный путь. Шить тоже нельзя — самого себя обошьешь. Что-нибудь случится. У ненцев же когда человек умирает — его зашивают»* [ПМ Рахимова, Тазовский р-н]. Тем не менее в случае крайней нужды существовали надежные способы обойти даже такие строгие запреты: *«Шить я знаю как перед дальней дорогой: два узла делаешь, потом дальше шьешь, и эти два узла между ними режешь ножницами (это меня гыданские научили) — у тебя дорога всегда будет чистая. Если шить какую-то дырку, надо зашить, шьете: узелок, потом еще один узелок между ним, и дальше шьете, и потом между ними, где два узелка, ножницами отрезали — открываешь дорогу дальнюю»*. Некоторые информанты указывали также, что перед выездом в дальний путь нельзя мыть посуду, умывать лицо. Не отправляются в дорогу и тогда, когда приходит весть, что там, куда собирались, умер человек.

В качестве надежных путевых оберегов ненцам служат спички и оселок. Оселок — один из предметов, который традиционно носится на мужском поясе и является личной принадлежно-

стью, его вообще нежелательно передавать постороннему. Спички же любой путник всегда берет с собой, даже если не собирается разводить костер или курить, и независимо от того, есть ли у него при себе зажигалка. Как говорят оленеводы, одинокий путешественник, имеющий при себе спички или оселок, символически уже не является одиноким: *«Вот ходишь по лесу — надо спички обязательно таскать. Если один лазаешь. В тундру пошел — все время надо таскать. Ну, типа он как бы напарник твой»* [ПМ Рахимова, Тазовский р-н]. Перед поездкой на святилище может проводиться специальный обряд очищения (подробнее о нем будет рассказано далее).

В нарты для дальнего выезда запрягаются лучшие, крепкие и выносливые олени, в хорошо откормленном состоянии. Особенно тщательно подходят к подбору надежного, сильного передового оленя. Чаще всего в упряжке находится как минимум еще один передовой — для подстраховки и чтобы в пути можно было заменять уставшего. По рассказам, лучшие оленеводы могут себе позволить составить упряжку из одних передовых: *«У меня все четыре оленя — все передовые. Я самого слабого запрягаю, когда из дома еду, а самого сильного в резерве держу»* [ПМ Адаева, Тазовский р-н]. Предпочтительно отправляться в путь с кем-то вместе, несколькими упряжками — чтобы периодически сменять того, кто пробивает дорогу по «целине», давая оленям отдохнуть. Существуют и специальные нарты для дальних поездок, которые в повседневной работе не используются и отличаются высоким качеством изготовления и прочностью.

Несмотря на то, что в последние десятилетия в качестве транспортного средства оленеводы широко используют снегоходы, дальние путешествия по-прежнему часто осуществляются на оленьих упряжках. При этом расстояния, на которые совершаются поездки на оленях, не только не уступают тем, что проходят на снегоходах, но часто превосходят их. Использование оленей в дальних выездах объясняется надежностью (олени не ломаются) и низкой себестоимостью поездки (не надо бензина).

Перед дорогой ненцы стараются хорошо подкрепиться сытной пищей, считается нежелательным употребление алкоголя: *«Лучше такую, жирную пищу кушать, чтобы ты потом не проголодался, и желудок не ныл. У тебя потом, может, желудок будет голодный, а сердце сытое... Самое главное, не надо чарку пить перед дорогой. А то потом “компьютер” испортится»* [ПМ Адаева, Тазовский р-н]. Из продуктов с собой в дорогу берут обычно хлеб (его заворачивают в оленью шкуру, чтобы не замерз), чай (заварку и готовый в термосе), сахар, иногда еще — масло, сухари и сушки. По поводу необходимости запаса более питательных продуктов была получена противоречивая информация. Кто-то говорил, что берет с собой рыбу, оленьё мясо и сало, кто-то утверждал, что такие продукты ему в дорогу не нужны: *«Ни мясо, ни рыбу не беру. Зачем брать? Когда едешь по тундре, хоть сутки, хоть три, никогда не думаешь о еде. Если даже потерялся на три дня — чепуха. Если надолго, можно и оленя забить, если ты ёхоборта»³* [ПМ Рахимова, Тазовский р-н]. В нартах находятся также обязательно чайник, ложки, кружки, иногда небольшая кастрюлька, для растопки костра — сухие дрова и береста. При себе у ненца всегда имеется нож.

Составной частью подготовки к дальней дороге является и планирование маршрута. Оно заключается в продумывании вариантов отрезков пути от одной известной точки до другой. Каждый отрезок может иметь несколько вариантов преодоления. Варианты зависят от рельефа местности (глубины речек, высоты берегов, нахождения проездов в прибрежных кустарниках и глубоких оврагов), состояния дорог, величины снежного покрова, наличия известных ориентиров. При выстраивании маршрута учитывается и населенность интересующего района. В случае необходимости ненцы обращаются за советом к людям, более знакомым с той местностью, куда предполагается выехать. Те могут объяснить дорогу новичку, указывая ключевые ориентиры, существующие дороги, приводя количество и название местных географических объектов, их отличительные черты. При этом для полной ясности иногда могут нарисовать на снегу или песке карту местности (*я' падар*)⁴.

Путешествие

К увиденной цели, в силу ландшафтных условий, не всегда удобно добираться напрямик. Поэтому ненцы умело выстраивают сложный маршрут с обхождением препятствий, руковод-

³ Ёхоборта (нен.) — человек, от природы неспособный ориентироваться в пространстве.

⁴ Специфике передачи географических знаний у ненцев посвящена отдельная статья (см.: [Адаев, 2015]).

ствуюсь старой народной поговоркой: *я' хара' выдада янгу* — «кривая дорога бед не нанесет». Из комментария к ней: «Смысл в том, что лучше по кривой, чем попытаться напрямую срезать. Напрямую можешь застрять, можешь утонуть. Вдруг осенью лед принес, а ты хочешь напрямую срезать. Края-то замерзли, а середка не замерзает — вот и провалился» [ПМ Рахимова, Тазовский р-н].

Пройденный путь и будущая дорога оленевода измеряются в традиционных единицах расстояния — *уэдалава*, представляющих собой один перегон на оленях до остановки на отдых. Необходимость такой остановки продиктована физиологической потребностью оленей в периодической паузе в движении для отдыха, водопоя, совершения испражнения и очистки носа от намерзшего льда (в зимний сезон). Как признают сами ненцы, *уэдалава* — достаточно условная единица, ее протяженность может сильно варьироваться в зависимости от состояния дороги, погодных условий, физических сил оленей, привычного ритма передвижения конкретного человека. Ее среднее расстояние в наше время нередко приравнивают к 10 км. После каждого прохождения *уэдалава* олени получают 10–15-минутный отдых, а через 3–4 *уэдалава* обычно устраивается привал (*я' поугана нулаугава*), во время которого путешественник может вскипятить чай, а олени — погостить на привязи.

При выборе маршрута учитываются многие факторы, которые могут повлиять на скорость передвижения или даже увеличить риски. Поэтому чаще выбираются отрезки пути, где стоят чумы оленеводов. Там можно подкрепиться и даже пополнить запас минимального набора продуктов, остановиться на ночлег, переждать непогоду, уточнить или узнать дорогу в незнакомой местности, заменить оленей в своей упряжке. Если путешественник торопится и не имеет возможности дать оленям отдохнуть, как принято в таких случаях, не менее суток или хотя бы с вечера до утра, то он может оставить своих оленей и взять других. Возвращаясь, он совершит обратный обмен. Как писал в свое время зоолог Б.М. Житков, по ямальской тундре можно по очень многим направлениям ездить на перекладных оленях, достаточно лишь, чтобы путешественник имел хорошую репутацию [1913, с. 209]. Проходя по незнакомой местности либо имея намерение посетить многих знакомых, путешественник может построить маршрут таким образом, чтобы каждый вечер останавливаться в чьем-то чуме. Спешащие же путешественники иногда специально держатся подальше от чужих стойбищ и стад, чтобы не отвлекались олени.

Прием гостя подразумевает его угощение. Причем, по старой традиции, в первый приезд гости, чтобы не обидеть хозяев, не могли предлагать на стол собственной еды. Они должны были довольствоваться любым поданным в чуме, пусть даже скромным, угощением [Евладов, 1992, с. 110]. Как отмечали многие исследователи, посещавшие ненцев в прошлые столетия, тундровики, независимо от своего экономического благосостояния, нередко готовы были идти на серьезные жертвы ради достойного приема гостя. Из записок художника А.А. Борисова о ненцах европейской тундры: «Самоед принял нас очень гостеприимно. Сейчас же хромой, убогий мальчик, работник Маеры, выбрал сани, которые похуже, и изрубил их на дрова. Потом он развел костер и начал кипятить чайник» [1907, с. 41]. Искреннее восхищение вызвала у англичанина О. Тревера-Бетти самоотверженная забота о нем семьи самоедов на острове Колгуев: «Как любезен этот народ! Не смотря на начинавшийся дождь, я увидел, что Катерина и маленькая Сонька суетятся вокруг костра и варят гуся, принесенного Филиппом. ...маленький Ванька трогательно поднес мне его на деревянном блюде, говоря *pillet, m.e. plate* — английское слово, которым он очень гордился» [1897, с. 131–132]. Специально для почетных гостей, близких родственников или друзей хозяин может забить одного из домашних оленей. Как писал в 1913 г. Б.М. Житков, «для почетного гостя исправный самоед не постеснится заколоть оленя, но продает неохотно» [1913, с. 257].

Приехавшего гостя полагается одарить. Если это друг или родственник, подарком могут вновь выступить олени. Но и прибывшие издалека незнакомые люди также не должны остаться без внимания. Ярким примером могут служить записи В.П. Евладова. Исследователь сообщал, как его тронула робость двух бедных оленеводов, которые принесли ему в подарок несколько оленьих шкур и очень опасались, что он откажется принять дар, тем самым нарушив старый обычай. Они же рассказали В.П. Евладову другие правила, которые ненцам надлежало соблюдать, принимая гостя: «Если бы мы пошли вместе промыслять зверя, то первую добычу должен взять ты, как гость — будь то олень, песец или гусь. Если гость не возьмет, то не будет удачи в промысле, а хозяину будет большая обида» [1992, с. 66–67].

Этика гостеприимства предполагает и услуги проводника по незнакомой местности: *«Если совсем не знает человек, то отправляют сопровождающего. Приезжего человека ни один тундровик, ни один ненец без сопровождающего не отправит»* [ПМ Адаева, Тазовский р-н]. В некоторых случаях гостя могли сопроводить до соседнего стойбища и далее уже передавать «из рук в руки» по цепочке. Кроме того, как указывалось выше, в случае необходимости приезжему человеку могли безвозмездно предложить в дорогу продукты, сменить его уставших ездовых оленей на своих, помочь отремонтировать поврежденные нарты и т.п. Логика, которой руководствуются ненцы в таких случаях, была емко и точно сформулирована ямальским ненцем Б. Яптиком: *«Я в чуме, а ты в пути, я должен отдать хоть последнее»* [Евладов, 1992, с. 84].

Среди правил, которых должен придерживаться вежливый гость, примечательна приведенная В.Н. Чернецовым привязка времени нахождения в гостях к лунному циклу: если пребывание в чужом чуме выпало на конец месяца, нужно оставаться там до новолуния, так как более ранний отъезд может быть расценен как недовольство хозяином и потому выглядит оскорбительным действием [Источники..., 1987, с. 69].

Представляет интерес и сама атмосфера, в которой происходит общение хозяев с гостем. Ю.К. Вэлла привел любопытные наблюдения, демонстрирующие существенную разницу в этических нормах и допущениях у хантов и лесных ненцев в ситуации, когда гость мужчина застает дома лишь хозяйку. Если у хантов в этом случае прямое общение гостя и хозяйки сводится к минимуму: приветствие, приглашение к столу и укладыванию на ночлег, то для ненцев типична совершенно другая, непринужденная обстановка: *«Ненец приветствует хозяйку (соответственно, ненку), пьет чай, расспрашивает о ее семейных делах и рассказывает о своих. При этом он подворачивает смачные подробности и в ответ слышит не менее яркие описания. Он (если в добром расположении духа) шуточно грозит хозяйке влезть под ее полог, она мимолетно отвечает нарочитыми грубостями. Ночью, однако, каждый занят своим сном (во всяком случае, состоявшийся разговор не является поводом для домогательства). Поутру игривая беседа продолжается, будто и не прерывалась. Тут возвращается муж и даже не помышляет о ревности»* [Головнев, 1995, с. 290]. Немного отвлекаясь, можно сказать, что подмеченные Ю.К. Вэллой этнические особенности находят продолжение и соответствие в наборе традиционных запретов и правил, регламентирующих поведение женщины в культурах двух народов. Хантыйские традиции несут в себе изначально больше строгих ограничений для женщины в социальной сфере (включая жесткие правила обряда избегания) в сравнении с обычаями ненцев, как тундровых, так и лесных. Не случайно среди тундровиков ходят рассказы о том, что хантыйке, вышедшей замуж за ненца, гораздо проще свыкнуться и примириться со своим новым положением, нежели ненке, ушедшей в хантыйскую семью.

Ненцы единодушны во мнении: если пурга застала тебя вдали от жилья и появились какие-то сомнения в правильности пути или ты сбился с наезженной тропы, надо просто остановиться и переночевать. Ты избавишь своих оленей от тяжелого (и, возможно, безрезультатного) труда, не уйдешь далеко от своей дороги. Если есть возможность, стараются остановиться у какого-то приметного места.

Вынужденная ночевка около кладбища вполне допускается ненецкой традицией и считается относительно безопасной в сравнении с крайне нежелательной остановкой на ночлег у священного места. По этому поводу было записано довольно много суждений ненцев.

«Существует строгая традиция: если ты потерялся в пути, ты можешь ночевать возле покойника (он тебя сбережет и завтра путь укажет), а если у священного места будешь ночевать — сойдешь с ума. И истории есть про это. Душу твою заберет хозяин священного места.

На священных местах нельзя останавливаться. Там опасно. Лучше подальше уйди, если понял, что священное место. Там не будешь спать, там, наоборот, тебя запутают. Бывает, водку нельзя разливать там. Есть такие места, что нельзя. Мы-то шибко не знаем, где можно, где нельзя — вот и стараешься. Вот хальмеры, например. С ними можно ночевать. Они с тобой ничего не сделают. Но на священном месте — нет.

Спать на священных местах нельзя, духи мешают. На кладбище, наоборот, можно спать, там духи помогают во сне. Ты же к родственникам пришел. Отец рассказывал, на священном месте, на сопке он лег спать, а духи его перенесли на другое место» [ПМ Адаева и Рахимова, Тазовский р-н; ПМ Волжаниной, Ямальский р-н].

Однако в некоторых случаях, по мнению ненцев, и места погребений (*хальмер*) несут сверхъестественную угрозу для путника. Наиболее опасным при путешествии считается проезжать мимо старых одиночных захоронений: «*Возле одного хальмера — тоже нельзя вставать. Если один вообще, вокруг никого нету — он тоже может тебя своровать. Так-то не убьет, просто не такой станешь. Наверно, один, одинокий — поэтому. Могут, наверно, специально — поэтому люди теряются*» [ПМ Рахимова, Тазовский р-н]. Существуют и некоторые конкретные кладбища, пользующиеся дурной славой, что там лежат «покойники — похитители душ» (*талей халмер*). Завлечь проезжающего человека они могут обманом: тому будет казаться, что он остановился на ночь в гостеприимном чуме. Проснувшись утром, он внезапно обнаруживает, что «*среди кладбища спит, и кисты у него у гроба на палках висят. И через год человек умирает*» [ПМ Адаева, Тазовский р-н].

Считается очень плохим знаком услышать в пути какой-то звук, исходящий от потусторонних существ, увидеть их воочию, ощутить тяжесть их веса на нартах: «*Когда мерещится — хозяин тех мест ходит. Я ерв — Хозяин земли. Раньше они там жили, может. Конечно, плохие, если земля плохая*» [ПМ Рахимова, Тазовский р-н]. Подобные существа могут являться в образе неясного тумана, пятна либо быть очень похожими на людей. Типичные примеры: «мужик в белом совике», «женщина в нарядной ягушке». Один из способов избежать тяжелых последствий встречи (потери разума, болезни, смерти) состоит в том, чтобы не реагировать на происходящее внешне: «*Что-то померещилось. Такое тоже может быть — может человек уйти и потом не вернуться. Допустим, идешь, и кто-то смотрит на тебя с лесу, если ты один. Талиревы⁵, наверно. Надо, говорят, в таких случаях не отвлекаться, никак не реагировать. Виду не подавать, что ты испугался или что там*» [ПМ Адаева, Тазовский р-н]. Еще один пример того, как человек может действовать вопреки «ожидаемой» логике нарушителей его спокойствия: «*Бывает, человек едет — впереди ОН сидит, прямо на дороге. Надо прямо по НЕМУ проехать — так говорят. А если ты остановишься — пропадешь. Прямо на НЕГО скачи. Если человек настоящий — он махнет [отпрыгнет]. А этот сидит или стоит. Если остановишься — потеряешься. Лучше прямо по дороге езжай. Из-за таких — люди теряются*» [ПМ Рахимова, Тазовский р-н]. Другим действенным средством избавиться от наваждения считается диаметрально обратная реакция: нужно остановиться и громко, грубо отругать того, кто тебе привиделся.

Возвращение домой из дальней поездки может иногда сопровождаться специальными ритуальными действиями. В некоторых случаях вернувшийся проходит обряд очищения в виде омовения дымом (*нибтара, нибтрава*). В обязательном порядке это делают после посещения крупных населенных пунктов, кладбищ — тех мест, где человек может приобрести сакральную «нечистоту», опасную как для него самого, так и для его близких.

Подводя итог, можно выделить ряд характерных черт традиционной ненецкой культуры путешествия:

— обусловленная суровыми условиями среды обитания особая тщательность подготовки к выезду;

— отношения хозяина и гостя-путника демонстрируют одно из ярких проявлений ненецкой традиции взаимопомощи;

— ненецкие представления мистического характера, определяющие поведение человека в дороге, нередко имеют своим итогом вполне практический положительный результат. Несмотря на сверхъестественный характер самой опасности, императивы, предписанные традицией: не паниковать, не подавать виду, что ты заметил что-то странное, продолжать свои действия, как будто ничего не случилось, либо перебороть появляющийся страх решительными действиями, психологически взять ситуацию под собственный контроль,— являются универсальными со всех точек зрения;

— в целом представленные этнографические материалы позволяют предполагать менее выраженное у ненцев символическое противопоставление человека путешествующего человеку, находящемуся дома, в сравнении с тем, что показал на примере исследованных культур Среднего Прииртышья А.В. Матвеев [2012, с. 151].

⁵ *Талиревы* — человек, у которого украли душу; становится психически неуравновешенным (см.: [Харючи, 2012, с. 123]).

В силу ограниченности объема данная статья раскрывает лишь основные аспекты традиционной ненецкой культуры путешествия. Некоторые из поднятых вопросов (связанные с путешествием ритуалы, нюансы взаимоотношений приезжего гостя и хозяина, этика дорожных встреч и др.) представляют отдельный интерес и требуют специального исследования для их более полного освещения.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

Адаев В.Н. Формы передачи географической информации в традиции тундровых и лесных ненцев // УИВ. 2015. № 2. В печати.

Борисов А.А. У самоедов: От Пинеги до Карского моря: Путевые заметки художника Александра Алексеевича Борисова. СПб.: Изд. А.Ф. Дебриена, 1907. 104 с.

Головнев А.В. Говорящие культуры: Традиции самодийцев и угров. Екатеринбург: Наука, 1995. 606 с.

Головнев А.В. Путь к Семи Чумам: (Этнографическая экспедиция к ямальским ненцам) // Древности Ямала. Екатеринбург; Салехард: УрО РАН, 1999. Вып. 1. С. 208–236.

Евладов В.П. По тундрам Ямала к Белому острову: Экспедиция на Крайний Север полуострова Ямал в 1928–1929 гг. Тюмень: ИПОС СО РАН, 1992. 282 с.

Даль В.И. Толковый словарь живого великорусского языка: В 4 т. Т. 4. М.: Медиа; Дрофа, 2008. 684 с.

Житков Б.М. Полуостров Ямал. СПб.: Тип. М.М. Стасюлевича, 1913. X. 350 с.

Источники по этнографии Западной Сибири. Томск: Изд-во ТГУ, 1987. 284 с.

Коршунков В.А. Если кто-то из близких в пути: Религиозный этикет русских в ситуации дальней дороги // Обретение святых-2012: Сб. материалов IV Межрегион. церковно-научн. конф. Киров: Лобань, 2013а. С. 80–86.

Коршунков В.А. Напутствие и приветствие: Этикетные нормы в контексте дорожной повседневности // Повседневность российской провинции XIX–XX вв.: Материалы Всерос. науч. конф.: В 2 ч. Ч. 1. Пермь: Перм. гос. гум.-пед. ун-т, 2013б. С. 270–276.

Матвеев А.В. Традиционная культура путешествия населения Среднего Прииртышья (XIX — первая треть XX века). Омск: Наука, 2012. 196 с.

Симонова В.В. Транссиб: Путь в жизни, жизнь в пути // Социологические исследования. 2007. № 5. С. 103–113.

Терещенко Н.М. Ненецко-русский словарь. М.: Сов. энцикл., 1965. 942 с.

Тревор-Бетти О. Во льдах и снегах: (Путешествие на остров Колгуев). СПб.: Тип. П.П. Сойкина, 1897. 121 с.

Харючи Г.П. Природа в традиционном мировоззрении ненцев. СПб.: Историческая иллюстрация, 2012. 160 с.

Щепанская Т.Б. Культура дороги в русской мифоритуальной традиции XIX–XX вв. М.: Индрик, 2003. 528 с.

Тюмень, ИПОС СО РАН

whitebird4@yandex.ru

Казань, Институт истории АН Республики Татарстан, аспирант

tuzemec72@yandex.ru

The article considers basic characteristics regarding traditional culture of travelling with tundra Nenets as a sphere in which mythological notions being closely intertwined with rational knowledge and practical experience. Subject to presentation being such components of this cultural sphere as communicative motivation, choice of time to start out, preparation to travelling, and travel itself. Basing on the investigation, they suggest a version of lacking a clear contradistinction in the Nenets tradition between a travelling person and a person staying at home.

Ethnography of peoples of the North, traditional beliefs, omens, customs of hospitality, social relations.